

ГЕНИЙ ВКУСА

Сборник 3

Министерство образования Российской Федерации

Тверской государственный университет

ГЕНИЙ ВКУСА

Н.А. Львов.

Материалы и исследования

Сборник 3

Тверь 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
На родине Львова	11
<i>И.В. Калугина</i> . Погреб-пирамида в усадьбе Никольское-Черенчицы	12
<i>И.Е. Пуятин</i> . От гробниц древности к Просвещению	22
<i>О.Е. Лебедева</i> . Из народных рассказов о Львове, или Львовская народная мемуаристика.....	41
Опыты осмысления	59
<i>Ю.М. Никишов</i> . Любовные признания Николая Львова	60
<i>Н.И. Николаев</i> . «Фортуна» Н.А. Львова в контексте русских этических исканий конца XVIII – начала XIX века	71
<i>С.Ю. Николаева</i> . От Николая Львова до Николая Гумилева: эволюция скальдических мотивов в русской поэзии	82
Материалы к собранию трудов Львова	95
<i>Т.А. Китанина</i> . «Что в сей книге находится»: Рукописное собрание сочинений Н.А. Львова	96
<i>К.Ю. Лаппо-Данилевский</i> . <i>Miscellanea Lvoviana</i>	115
Н.А. Львов – историк и текстолог. Вступительная статья, публикация и комментарии <i>А.Ю. Сорочана</i>	126
«Уведомление» к Летописцу Рускому	128
«Предуведомление» к Подробной летописи	129
«Подражатель не есть художник»: Н.А. Львов и «Русский Палладий». Вступительная статья, републикация и комментарии <i>Е.Г. Милюгиной</i>	135
От издателя русского Палладия	144
<Примечания>	160
Из писем Н.А. Львова. Публикация и комментарии <i>Е.Н. Строгановой, М.В. Строганова</i> . Вступительная заметка <i>М.В. Строганова</i>	163
<i>А.Б. Никитина</i> . Страницы жизни и деятельности Н.А. Львова на Тверской земле (по архивным документам)	181

<i>Л.Г. Агамаян. Н.А. Львов – А.Н. Оленину: послания в прозе и стихах</i>	202
<i>А.Ю. Веселова. Атрибуции архитектурных памятников Н.А. Львова (предварительный свод)</i>	217
<i>Н.А. Львов в воспоминаниях современников. Публикация, сопроводительный текст С.А. Васильевой и Н.З. Коковиной</i>	237
Вокруг Львова	253
<i>Две редакции тверского (?) анонимного «Недоросля». Публикация В.Д. Рака</i>	254
Первая редакция (тетрадь А).....	256
Вторая редакция (Тетрадь Б)	272
<i>Л. Росси. М.Н. Муравьев и Н.А. Львов в 1770-е гг.: К характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII века</i>	287
<i>А.В. Ананьева. «Услада мысли и зренья»: Поэтическое описание Александровой дачи в контексте дискуссии о рациональном и сенсуальном восприятии пейзажного сада</i>	299
<i>И.А. Бочкарева. Из львовского окружения. А.С. Ярцов</i>	320
<i>Формулярный список Ф.П. Львова. Предисловие, публикация и примечания Е.Ю. Жаровой</i>	328
<i>С.В. Денисенко. Постройки Н.А. Львова в рисунках Пушкина: мифологема, превращенная в locus</i>	341
<i>Указатель имен. Составители А.Ф. Коковин, Е.Г. Милогина</i>	349

К.Ю. Лаппо-Данилевский

MISCELLANEA LVOVIANA

I.

Архивная находка Г.М. Дмитриевой внесла наконец ясность в вопрос о дате рождения Николая Александровича Львова – метрические книги церкви Николая Чудотворца в с. Арпачево неопровержимо свидетельствуют, что замечательный русский поэт и архитектор родился 4 мая 1753 г. в селе Черенчицы Новоторжского уезда Тверской губернии,¹ т.е. на два года позже, чем это обыкновенно считалось ранее. М.В. Строганов убедительно проанализировал в своем комментарии причины возникновения этой ошибки². Вместе с тем, думаю, не подлежит сомнению, что у ее истоков стоял сам Львов, желавший по неким причинам быть в глазах своих близких, знакомых и сослуживцев на два года старше. В связи с этим неизбежно возникают два вопроса. Что побудило поэта «смазывать» дату своего рождения? Был ли он сам в неведении относительно нее?

Ответ на первый вопрос не вызывает затруднений. Семья Львовых следовала дворянскому стереотипу XVIII в., записав свое малолетнее чадо при первой возможности в лейб-гвардии Преображенский полк и обеспечив ему тем скорейшее продвижение в чинах. Возраст при этом обыкновенно завышался. Из опубликованного мною в свое время служебного аттестата, выданного Львову 30 апреля 1782 г., явствует, что в службу поэт «вступил» в январе 1759 г.³ В Петербурге молодой дворянин появился в 1769 г., чтобы начать действительную службу в Преображенском полку, как следует из его автобиографического наброска, обнаруженного Н.И. Никулиной (Глинкой)⁴.

¹ Дмитриева Г.М. 1) Документы Государственного архива Тверской области о Н.А. Львове // *Гений вкуса* 1. С. 8–14; 2) К биографии Н.А. Львова // Н.А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства. СПб., 2002. С. 12–13.

² *Гений вкуса* 1. С. 14–18.

³ Лаппо-Данилевский К.Ю. Новые данные к биографии Н.А. Львова (1770-е годы) // *Русская литература*. 1988. № 2. С. 138.

⁴ Набросок автобиографии начинается со строки: «В действительной службе я с 1769 года» (РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 120. Л. 101 об.).

Думается, сам Львов прекрасно знал точную дату своего рождения, ибо она по старой русской традиции была «спаяна» с именниками – детей крестили через несколько дней после рождения, давая им имя святого, поминавшегося в этот день. О том, что у Львова не было никаких сомнений по поводу времени собственных именин, легко заключить из концовки одного из его поэтических шедевров – «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня». Оно, напомним, заключается следующими строками: «Да и полно, если не слишком, уже пять часов пополуночи, а я еще не заснул; сегодня же Николин день. Поздравляю, ваше сиятельство, с моими именинами, а я с образом веселого нашего путешествия, вашими проводами украшенного, ложуся спать» (*Львов*. С. 191). Как легко заключить из этих строк, поэт прекрасно знал, что крещен он был на Николу вешнего, т.е. 9 мая по старому стилю, в годовщину перенесения мощей Святителя Николая в Бари из Мир Ликийских. Особо радостное и приподнятое настроение, которым дышит каждая строка в «Ботаническом путешествии» (как, впрочем, и его шуточный характер) объясняется в значительной мере тем, что восхождение на Дудорову гору было предпринято накануне именин, праздника занимающего в жизни православного христианина более важное место, чем день его рождения.

II.

Вопрос о том, какими иностранными языками владел Львов, никогда специально не обсуждался. Некоторые ранее не учтенные материалы побуждают меня все же обратиться к этому, на первый взгляд несложному вопросу.

Сначала о бесспорном. В служебном аттестате, выданном поэту 30 апреля 1782 г., зафиксировано хорошее знание трех языков, благодаря чему он был принят в Коллегию иностранных дел: «...1776-го 5 июня по прошению его, а по определению помянутой коллегии в рассуждении знания его италианского, французского и немецкого языков, принят в оную тем чином для употребления его на оных языках в переводах и других делах»¹. Французский язык был при

Ср.: *Никулина Н.И.* Николай Львов. Л., 1971. С. 8; *Глумов А.Н.* Н.А. Львов. М., 1980. С. 8.

¹ *Лапто-Данилевский К.Ю.* Новые данные к биографии Н.А. Львова. С. 138–139.

этом ведущим, выученным ранее всего¹ и на протяжении всей жизни наиболее часто использовавшимся, – как при светском общении, так и при чтении литературных произведений или сочинений по искусству.

В число переводов Львова обычно включается «Руководство к содержанию пчел во все времена года» Даниэля Уайлдмена.² Эта атрибуция основывается на архивных материалах, обнаруженных в свое время Н.И. Никулиной (Глинкой) и связанных с финансированием книги³. Напомню, что 8 октября 1786 г. был издан именной указ печатать «полезные сочинения» коллежского советника Львова за счет «комнатных сумм» из средств императорского кабинета, что открыло поэту неограниченные возможности для реализации разнообразных издательских замыслов⁴. Известно также, что Львов нередко выступал в качестве организатора разнообразных культурных предприятий, автором которых потом считал себя в согласии с обыкновением своего времени, – он задумывал их, находил для них исполнителей и денежные средства, следил за исполнением этих инициатив на всех этапах их осуществления. Думаю, что так было и в случае с книгой Уайлдмена, далекой от художественных замыслов Львова, вышедшей в свет без указания имени переводчика на титульном листе. Участие поэта в данном предприятии, думаю, ограничивалось организаторскими и, может быть, редакторскими задачами, что, конечно, никоим образом не исключает некоторых, пусть даже весьма скромных знаний английского языка. В связи с этим не лишен интереса факт посещения Львовым Лондона осенью

¹ В биографическом очерке, написанном двоюродным братом поэта, Ф.П. Львовым, читаем: «Будучи записан гвардии в Измайловский полк (в действительности Преображенский. – *К.Л.-Д.*), он пустился в Петербург и явился в столицу в тогдашней славе дворянского сына, то есть лепетал несколько слов французских» и т.д. (*Львов*. С. 365). Ср. свидетельство о прекрасной памяти Львова, прочитавшего за несколько дней «Сады» Ж. Делиля и сразу запомнившего большие отрывки из них наизусть (там же. С. 367).

² *Уайлдмен Д.* Руководство к содержанию пчел во все времена года, как в садах с пользою, так и с удовольствием в комнате, без всякого от оных беспокойства. Выписано из аглинского подлинника, с приобщением примечания, каким образом и в северных странах употреблять средство сие. [СПб.] 1788.

³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. III. С. 256. № 7432.

⁴ *Глумов А.Н.* Н.А. Львов. М., 1980. С. 78.

1776 г. во время одной из курьерских поездок от Коллегии иностранных дел, а также то, что дети поэта в 1790-е гг. изучали английский язык (указания на это содержатся в письмах И.А. Иванова к А.Х. Востокову, хранящихся в Архиве Российской Академии наук в Петербурге). И все же, думаю, знание Львовым этого языка вряд ли стоит переоценивать, ибо в рабочих тетрадах поэта записей по-английски нет.

Наиболее внушительным филологическим предприятием Львова было «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794), в предисловии к которому поэт признавался, что он перевел античного лирика, не зная древнегреческого языка. Подспорьем в этой работе ему служил подстрочник, сделанный по всей вероятности И.И. Мартыновым¹, и переводы Анакреонта на французский, итальянский и немецкий языки, т.е. именно на те, что значатся в его служебном аттестате². И все же, думаю, в число языков, известных Львову, следует ввести еще один – испанский, ибо в его «Путевой тетради № 1»³, хранящейся в Пушкинском Доме, находится три пометы на этом языке. Хотя они не велики по объему и несколько итальянизированы, вряд ли можно усомниться в способности Львова объясняться и читать по-испански. Приведем их текст⁴:

1) «1778, июня 29. La noche que era tan guapa para my porque he visdo toda la beldad del cuerpo della my M.»⁵ (Ночь, которая была так прекрасна для меня, поскольку я увидел всю красоту тела моей М[ашеньки]).

¹ Гаврилов А.К. Е. Булгарис // Словарь русских писателей XVIII века. Л. 1988. Вып. I. С. 134.

² Как следует из сопоставления текстов, русский поэт располагал следующими изданиями, активно использовавшимися им: Анны Дасье (1716), А. Лафосса (републикован в издании Анны Дасье), И.Б. Лонжельера (1692), Ф. Гакона (1712), П. Ролли (1739), Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона (1773), И.-Х.-Ф. Майнеке (1776).

³ Название, данное этой архивной единице хранителями, неудачно – речь должна идти, скорее, о рабочей тетради.

⁴ В сносках приводится исправный испаноязычный вариант записей; за помощь при работе с ними приношу сердечную благодарность К.С. Корконосенко.

⁵ Львов Н.А. Путевая тетрадь № I // ИРЛИ. Ед. хр. 16470. Л. 49 об. Ср.: «La noche que era tan guapa para mí porque he visto toda la beldad del cuerpo de mi M.».

2) «los 10 de Mayo. Se ai dexo que el Ritrado de my sign»¹ (Говорили, что портрет моей синьоры (моего синьора)).

3) «1778. – fue el dia el mas alegre de mi vida»² (1778 – это был самый радостный день моей жизни).

Все три записи, на мой взгляд, в той или иной мере связаны с романом Львова и М.А. Дьяковой, стремительно развивавшимся осенью 1777 – зимой и весной 1778 г. Как известно из писем М.Н. Муравьева к родным, Львов вернулся из курьерской поездки в Лондон, Мадрид и Париж в самом начале августа 1777 г.³ Осенью того же года по инициативе Львова, в памяти которого были еще свежи впечатления от парижских театральных представлений, возник любительский театр в доме его родственника П.В. Бакунина Меньшого. В декабре 1777 г. здесь несколько раз были представлены комедия Ж.Ф. Реньяра «Игрок» и комическая опера А. Саккини и Н.Э. Фрамери «Колония». 7 февраля 1778 г. на той же любительской сцене была представлена «Дидона» Я.Б. Княжнина с М.А. Дьяковой в заглавной роли⁴. Весной 1778 г. отношения двух влюбленных были уже отнюдь не спиритуальными⁵. Думается, Львов сделал три пометки в своей тетради на самом «экзотичном» из известных ему языков, именно потому, что они были связаны с наиболее интимными переживаниями его жизни.

Увы, Львова приходится причислить к тем путешественникам, что посетили Испанию в конце XVIII в., но не оставили об этом свидетельств потомству. Напомню, что М.П. Алексеев в статье «Из истории испано-русских литературных отношений XVI – начала XIX веков», анализируя историю проникновения в Россию произведений испанской словесности и сведений об этой стране, с сожалением констатировал: «Хотя в Испанию в конце XVIII неоднократно ездили русские путешественники, но сколько знаем, ни один из них не оставил ни печатных, ни письменных известий о своих поездках...»⁶ И все же встреча Львова с Испанией не прошла

¹ Там же. Л. 119. Ср.: «los 10 de Mayo. Se ha dicho que es el retrato de mi señ[or(a)]».

² Там же. Ср.: «1778. – fue el día más alegre de mi vida».

³ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 268.

⁴ Там же. С. 328, 330–334, 348.

⁵ Об истории тайного брака Львова и М.А. Дьяковой см.: *Ланно-Данилевский К.Ю.* О тайной женитьбе Н.А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132–144.

⁶ *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI – начала XIX веков. Л., 1964. С. 86.

ни для него, ни для русской культуры бесследно. Знакомство с художественными сокровищами Эскориала, о котором он охотно поведствовал друзьям¹, способствовало формированию эстетических воззрений поэта и архитектора, подготовило его к восприятию произведений искусства, увиденных во время путешествия по Италии в 1781 г.² Именно из Испании, по мнению, М.Н. Муравьева привез Львов идею землебитного строительства, насаждавшегося им в течение многих лет в России (*Львов*. С. 361). Знание испанского языка (пусть и не очень глубокое) также свидетельствует о серьезности интереса поэта к культуре этой страны.

III.

В статье К.Н. Батюшкова «Петрарка» (1815), опубликованной впервые в 1816 г. в «Вестнике Европы» и включенной затем в «Опыты в стихах и прозе», находится следующая фраза, игнорировавшаяся комментаторами его сочинений: «Петрарка любил; но он чувствовал всю суетность своей страсти и с нею боролся не однажды. Любовь к Лауре и любовь к славе под конец жизни слились в одно. Любовь к славе, по словам одного русского писателя, есть последняя страсть, занимающая великую душу»³.

Ни Л.Н. Майков, ни позднейшие издатели произведений писателя, как кажется, не могли ответить на вопрос о том, какой «русский писатель» имелся поэтом в виду. Думаю, что Батюшков отсылал в данном случае к «Краткому сведению о жизни г. тайного советника Львова» – незавершенному очерку, набросанному М.Н. Муравьевым в начале 1804 г. Первый абзац этого мемуара содержит следующую характеристику Львова: «Обхождение его имело в себе нечто пленительное, действие разума его, многими приятностями украшенного, было неизбежно в кругу друзей его. Извинительно некоторым образом, ежели, приучен будучи к сей верховно-

¹ Ср. в очерке М.Н. Муравьева о Львове: «В дрезденской галерее, в колоннаде Лувра, в затворах Эскориала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные формы, сие понятие простоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышат в превосходных трудах Палладиев и Мишель Анжев» (*Львов*. С. 361). Ср. также в мемуаре Ф.П. Львова (Там же. С. 367).

² Ср. упоминание виденных в Эскориале фресок Менгса в «Итальянском дневнике» поэта: *L'von N.A. Italienisches Tagebuch: Ital'janskij dnevnik. Köln, Weimar; Wien 1998. S. 71.*

³ *Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. I. С. 133.*

сти дарований, имел он внутреннее чувство достоинств. Слава есть последняя страсть, от которой благородное сердце исцелиться может» (Львов. С. 362).

Знакомство Батюшкова, приходившегося двоюродным племянником Муравьеву и частично воспитывавшегося в его доме, с неопубликованным очерком о Львове не является маловероятным – как известно, он принимал активное участие в издании сочинений Муравьева, посвятил им отдельную статью и т.п.¹ Не удивительно поэтому, что лапидарно сформулированная сентенция о любви к славе как о «последней страсти» оказалась созвучна Батюшкову, процитировавшему ее при характеристике любимого итальянского поэта.

IV.

Собирательская деятельность Бориса Ивановича Коплана (1898–1941), развернутая им в 1920-е гг. на послереволюционном российском пожарище, преследовала благородную цель сохранить то, что еще не погибло в разграбленных поместьях, спасти от дальнейшего распыления и гибели реликвии дворянских гнезд. Основной источник сведений о рукописях, книгах, предметах материальной культуры, вывезенных Копланом из провинции и переданных Академии наук, – отчеты исследователя о командировках и другие служебные документы, хранящиеся главным образом в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук. На мой взгляд, нельзя также недооценивать значение отчетов Коплана как своеобразного исторического источника о том, что было позднее безвозвратно утрачено.

В этой краткой заметке мне хотелось бы обратить внимание на одну из несохранившихся работ Львова, не включавшихся донныне в списки его трудов. Информацию о ней донес до нас один из отчете-

¹ См.: Левин В.Д. Карамзин, Батюшков, Жуковский – редакторы сочинений М.Н. Муравьева // Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию В.В. Виноградова. М., 1965. С. 182–191; Жилиякова Э.М. В.А. Жуковский и М.Н. Муравьев // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. I. С. 71–104; Космолинская Г.А. К. Батюшков – редактор «Эмилиевых писем» М.Н. Муравьева // Рукописи, редкие издания, архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М. 1997. С. 143–169.

тов Коплана.¹ Я имею в виду надгробный памятник, воздвигнутый Львовым на могиле собственного отца – Александра Петровича Львова. Он находился на погосте арпачевской церкви и к моменту приезда литературоведа «разрушился от времени». Гибели надгробия значительно поспособствовали местные крестьяне, сорвавшие с памятника четыре чугунных плиты. Одну из них, с эпитафией Державина, посвященной памяти Львова, исследователь нашел уже накрепко замурованной в крестьянскую печь, так что скопировать поэтический текст ему не удалось. Еще одна плита служила подом в церковной сторожке; на ней Коплан обнаружил следующее стихотворение М.Н. Муравьева:

Сей муж потщился век в законе Божьем быть,
И Бог его в своем жилище успокоил.
Кто б ни был ты, чей взор сей камень удостоил,
Живи, чтоб<ы> и ты мог небо заслужить.
Соч[инил] друг сына его М. Муравьев².

На след двух других плит Коплану напасть не удалось. Чьи стихотворения находились на них? На этот вопрос возможен лишь частичный ответ – одна из эпитафий, украшавших памятник, была несомненно написана И.И. Хемницером. Публикуя в 1963 г. ряд стихов баснописца по рукописи, В.Э. Вацуро извлек на свет помимо прочего следующие два варианта эпитафии А.П. Львову:

Надгробная батюшки Николая Александровича Львова

Под сей гробницею лежит скончавший век
Монарху верный раб, согражданин полезный,
Достойнейший отец, друг, скромностью любезный,
И добродетелью почтенный человек.

¹ См.: Отчет ученого хранителя и секретаря Пушкинского Дома Академии Наук СССР Б.И. Коплана по научной командировке в Тверь, Торжок, Новоторжский и Старицкий уезды Тверской губ. и в Москву от 30 августа по 25 сентября 1926 г. // СПбО А РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 27. Л. 244–252; краткий вариант того же отчета: Там же. Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 4. Ч. 2. Л. 15–18.

² СПбО А РАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 248.

На него же

Прохожий, коему сей гроб напоминает,
Что участь и тебя такая ж ожидает,
Старайся мужу ты сему подобен быть, –
Ты будешь и по смерти жить¹.

Одно из этих стихотворений было, по-видимому, воспроизведено на могиле А.П. Львова. Четвертая эпитафия могла принадлежать либо перу самого Львова, либо еще одному активному участнику львовско-державинского кружка – В.В. Капнисту. Текст ее, как и текст четверостишия Державина, видимо, утрачен навсегда.

Время написания трех процитированных стихотворений точно установить невозможно, так как памятник А.П. Львову, судя по всему, был воздвигнут через много лет после его смерти. Если примерный год рождения отца поэта (1723) устанавливается по процитированной Г.М. Дмитриевой записи о том, что в 1753 г. на исповеди в арпачевской церкви побывал «санкт-петербургского гарнизона прапорщик Александр Петров сын Львов 30 лет»², то дата его смерти неизвестна³. По всей видимости, он скончался в 1760-х гг., ибо Ф.П. Львов вспоминал, что его двоюродный брат Львов «в отроческих летах лишился он отца своего» и что «новая забота об оставшихся в сиротстве матери с сестрами как будто возбудили дух его» (Львов. С. 365).

И все же написание трех вышеприведенных эпитафий можно с большой вероятностью отнести к довольно краткому хронологическому промежутку между 1779 г. (в это время Державин близко сошелся с участниками львовско-державинского кружка) и июнем 1782 г., когда Хемницер отправился из Петербурга в Смирну⁴. Именно в самом начале 1780-х гг. упрочилось служебное положение Львова, и он мог прийти к мысли о необходимости сооружения более достойного надгробия своему отцу. В это же время Львов вел

¹ Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963. С. 230.

² Дмитриева Г.М. Документы Государственного архива Тверской области о Н.А. Львове. С. 9.

³ Ср.: Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I. С. 576. № 127; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. I. С. 502.

⁴ В письмах Хемницера Львову из Смирны, сохранившихся полностью и опубликованных Гротом в 1873 г., никаких упоминаний надгробного памятника А.П. Львову нет.

переговоры со своими дядьями Н.П. и П.П. Львовыми, заказавшими ему проект новой церкви в Арпачеве; ее постройка продлилась с 1782 по 1791 г.¹, ее освящение, ставшее семейным торжеством, Львов описал, как известно, в письме П.Л. Вельяминову от 17 августа 1791 г.

V.

В академической библиографии по истории русской литературы XVIII в. в разделе, посвященном Державину, находим следующее указание:

«4576. **Шахматова С.А.** Г.Р. Державин. «Аристиппова баня». – Звенья. 1951. Т. IX. С. 186–193.

Текст по автографу и разночтения по изданию 1816 г.»²

Насколько мне известно, это единственная научная публикация Софьи Алексеевны Шахматовой, дочери академика А.А. Шахматова, жены Б.И. Коплана, подвергшегося гонениям в начале 1930-х гг. в связи с делом С.Ф. Платонова и скончавшегося под арестом в блокадном Ленинграде³. Обнаруженные архивные материалы подтвердили мою давнишнюю догадку о том, что эта статья в действительности принадлежит не С.А. Шахматовой, а ее мужу. В Государственном литературном музее в Москве находится верстка данной публикации, предназначавшейся для восьмого выпуска «Звеньев»⁴. Имя автора, Б.И. Коплана, в ней зачеркнуто и заменено

¹ Ср. процитированный в отчете Коплана документ, обнаруженный им в «описи» арпачевской церкви: «Сия церковь с благословения преосвященной Иосафа архиепископа Тверского в 1782-м году начата строением и окончена в 1791-м году попечением и иждивением приходских помещиков Петра и Николая Петровых Львовых, освящена в 1791-м году, августа 16-го дня с благословения преосвященного Тихона архиепископа Тверского, Новоторжского Борисоглебского монастыря архимандритом Мисаилом» (СПБО А РАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 247).

² История русской литературы XVIII века: Библиографический указатель / Сост. В.П. Степанов и Ю.В. Стенник. Под ред., с доп. и предисл. члена-корреспондента АН СССР П.Н. Беркова. Л., 1968. С. 256.

³ О трагической судьбе Б.И. Коплана см.: *Ростов А.* [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // Память: Исторический сборник. М., 1979; Париж, 1981. С. 476, 492. В 1990-е гг. ряд важных биографических материалов Коплана опубликовал В.Э. Молодяков.

⁴ ГЛМ. Ф. 327. Оп. 1. Ед. хр. 183. Публикация Б.И. Коплана должна была открывать восьмой выпуск альманаха «Звенья», из которого она была передвинута по причинам политического характера в выпуск девятый.

на имя его жены. Мотивы подобных исправлений очевидны и не нуждаются в комментариях.

Происшедшее тем более досадно, что данная публикация не только вводила в научный оборот неизвестный вариант «Аристипповой бани», но и содержала емкую характеристику творческого метода Державина, возникшую в результате длительных размышлений Коплана над творчеством великого поэта. Считаю поэтому правомерным привести этот абзац здесь уже как текст Б.И. Коплана: «Это отлично характеризует сложный творческий процесс и основной творческий метод Державина, представителя русского классицизма, стремящегося достигнуть идеала классического искусства совершенных форм и видовых образов. Искусство пассивного созерцания, пластичность образов, уравновешенная красота в “Аристипповой бане” Державина достигает высочайшего совершенства; поэт добился этого огромной работой над стихом; недаром это стихотворение он назвал своей “любимой пьесой”»¹.

Данная характеристика, основывающаяся на поздних стихотворениях Державина и игнорирующая ранние творческие импульсы, полученные им от литературы европейского барокко, на мой взгляд, несколько односторонняя. Ее значение, однако, заключается в том, что она возникла из многолетних занятий историей львовско-державинского содружества и учитывала в первую очередь антикизирующие влияния, связанные с изобразительными искусствами и их теоретическим осмыслением, совершенным Львовым.

Приведем первоначальные выходные данные по корректуре: «Аристиппова баня». Комментарии Б.И. Коплана // Сборник материалов альманаха «Звенья». Вып. 8. 1947. С. 5–11.

¹ Звенья. 1951. Вып. 9. С. 187. В корректурном экземпляре ГЛМ с. 6.